

Свящ. А. Введенскій.

СУЩЕСТВУЕТЪ-ЛИ АДЪ?

1915 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «Колоколъ», Невскій, 127.
1914.

Существуетъ-ли адъ?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднемъ вѣкѣ, въ періодъ торжества матеріализма и позитивизма, нечего было и думать что-нибудь писать и говорить объ адѣ. Сейчасъ-же засмѣютъ, начнутъ глумиться, издѣваться. Потому что сомнѣнію подвергались не только затронутая нами библейская истина, но даже душа. Гдѣ уже тутъ было говорить о преисподней?

И всѣ, конечно, молчали. Вслѣдствіе этого въ нашей богословской литературѣ нѣтъ ни одной болѣе или менѣе интересной и обстоятельной брошюрки (о книгѣ уже не говоримъ) по данному вопросу.

Въ концѣ девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго вѣка положеніе вещей значительно измѣнилось къ лучшему. Матеріализмъ потерялъ свой кредитъ рѣшительно повсюду и можно сказать навсегда. Вѣрующіе люди немного пріободрились. Стали затрагивать безъ смущенія и въ литературѣ, и въ наукѣ религіозныя темы. Но вопроса объ адѣ такъ-таки и не касались. Слишкомъ ужъ высмѣяли его представителя матеріализма. И такъ раскритиковали, что, пожалуй, надолго отбили охоту у всѣхъ насъ къ рѣшенію и обсужденію этой въ высшей степени интересной и важной богословской проблемы ¹⁾.

Зато въ Англіи, къ стыду нашему, совсѣмъ иначе посмотрѣли на дѣло. Тамъ, какъ только почувствовали реакцію матеріализма, сейчасъ-же предприняли анкету по всѣмъ религіознымъ вопросамъ. Напримѣръ:

- 1) Вѣрите-ли въ то, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій?
- 2) Вѣрите-ли въ то, что Библія содержитъ въ себѣ божественное откровеніе?

¹⁾ «Симбирск. Еп. Вѣд.» 1914 г.

3) Вѣрите-ли въ то, что вселенная имѣетъ разумную Первопричину?

4) Вѣрите-ли въ то, что личность человѣка сохраняетъ свое сознательное состояніе и послѣ смерти?

5) Вѣрите-ли въ способность человѣка постигать Бога?

6) Вѣрите-ли, что человѣкъ обладаетъ свободною волею?

7) Усматриваете-ли дѣйствительное противорѣчіе между фактами, установленными наукою и основными ученіями христіанства?

8) Считаютъ-ли они современныхъ ученыхъ за невѣрующихъ людей, отрицательно относящихся къ христіанству?

И такъ далѣе.

Была въ концѣ концовъ предпринята анкета и по вопросу: «Существуетъ-ли адъ».

Такъ какъ съ результатами анкетъ по вышеприведеннымъ вопросамъ русская публика частью ознакомилась благодаря трудамъ Тамбрума, Кожевникова, Кнеллера, полагая, что она съ такимъ-же интересомъ отнесется къ анкетѣ по вопросу объ адѣ, мы предлагаемъ ей благосклонному вниманію переводъ англійской книжки «Существуетъ-ли адъ?»—(Анкета среди лидеровъ англійской философской мысли), надѣясь, что она съ успѣхомъ выполнитъ существующій по данному вопросу пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ и вполне удовлетворитъ пытливыя ума русской читающей публики.

Но, предлагая эту книжку, мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Дѣло въ томъ, что въ ней по мѣстамъ выражена не вполне православная мысль, именно, будто нѣтъ вѣчныхъ мученій.

Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Спаситель прямо сказалъ: «и идутъ снъ въ муку вѣчную, а праведные въ животъ вѣчный». Послѣ этихъ словъ мы не въ правѣ сомнѣваться въ вѣчности адскихъ мукъ.

Англійскіе философы прибѣгаютъ въ рѣшеніи этой проблемы къ соображеніямъ здраваго разума. Но намъ кажется, что и соображенія разума скорѣе за вѣчность мукъ стоятъ, чѣмъ противъ нихъ.

Мы вѣримъ, что тѣло, пока живетъ человѣкъ, служитъ ему рамкой и до извѣстной степени ограничиваетъ его духъ. Послѣ смерти эта рамка распадается и духъ пріобрѣтаетъ большую утонченность, онъ становится, такъ сказать, болѣе зоркимъ и проницательнымъ. И вотъ я представляю себя послѣ смерти такимъ духомъ, а передо мною громадная карта. Эта

карта тянется во всѣ стороны безъ конца и теряется по краямъ въ дымкѣ дали. Карта это—поле человѣческой жизни. На ней въ однихъ мѣстахъ скучены тысячи и миллионы людей, на другихъ кое-гдѣ разбросаны отдѣльныя точки, третьи—голые пустыри. По картѣ выются рѣки, рѣчки и ручьи. Бьютъ изъ земли родники, вытекаютъ изъ горъ изъ-подъ камней источники. Эти ручьи и рѣчки, ключи и родники сливаются вмѣстѣ, переплетаются, впадаютъ въ море, тамъ и сямъ вновь начинаютъ бить изъ земли. Одни изъ нихъ чистые, живые, жизненные. Гдѣ явятся, тамъ начинается жизнь: пробивается травка, зеленѣютъ пески, пустыня становится садомъ. Другіе несутъ съ собою заразу, болѣзнь, гибель и смерть. Подмываютъ берега и рушатъ дома, крутятъ омуты и топятъ лошадей, выдѣляютъ изъ себя губительные туманы, несутъ въ питье отравленную зараженную воду. Всѣ эти горныя ленты на картѣ, всѣ эти рѣки, ручьи, родники,—все это жизни, вѣриѣ, дѣятельности отдѣльныхъ людей. Длинныя и большія ленты—широкія и глубокія ленты. Это жизни великихъ людей, оказавшихъ на жизнь человѣчества крупное вліяніе. Ленточки маленькія—жизни маленькихъ, такихъ, какъ мы съ вами, людей. Смотрю я на эту карту просвѣтленнымъ взглядомъ и вижу свою черту. Вижу и все, что она оставила за собой: кого затуманила, кого заразила отравой, кого закружила въ омутѣ, кому подточила основы, разрушила, подмыла фундаментъ. Вижу все это и сознаю, что все это уже непоправимо. Сознаю непоправимость и мучусь. Понялъ всю скверну своей жизни, почувствовалъ весь причиненный человѣчеству вредъ и ничѣмъ не могу поправить. Никогда. Сдѣлано—и не измѣнишь. Вписано—и не изгладить. Пущенъ огонь и никакъ самъ не погасишь. Согласитесь, что такое состояніе ужасно и непоправимо. Помните картину Рѣпина въ Третьяковской Московской галлерей «Іоаннъ Грозный надъ трупомъ убитого имъ сына». Какой ужасъ на лицѣ убійцы отца! Какое отчаяніе въ глазахъ! Въ припадкѣ безумія, изступленнаго гнѣва, несчастный отецъ убилъ своего сына. Убилъ и спохватился. Пришелъ въ себя. Опомился, бросился на трупъ. Рыдаетъ, обнимаетъ, но поздно. Помочь уже нельзя. Никогда! Какая мука! Какія страданія! Чего-бы онъ не далъ, чтобы вернуть. Но вернуть невозможно: что сдѣлано—сдѣлано¹⁾.

Такъ и мы за гробомъ своей жизни. Жизнь прожита, и

¹⁾ Петровъ: «Никодимъ».

сколько тутъ убійствъ. Убивались мечты, убивались порывы, убивалась совѣсть, убивалась душа, убивался Богъ въ душѣ снова, какъ на Голгофѣ, распинался Христосъ въ нашемъ сердцѣ.

И все это не поправить. Никогда. Слѣдовательно сознать, мучиться надо вѣчно. Ибо никогда не настанетъ такого времени, когда-бы прошлое наше зло стало добромъ. Напротивъ, при свѣтѣ Божественной правды наши «грѣхи и темныя дѣянья» станутъ еще болѣе омерзительными. И чѣмъ болѣе мы будемъ познавать Божество, тѣмъ прошлый міръ будетъ казаться намъ ужаснѣе и наши страданія мучительнѣе. А такъ какъ познаніе это будетъ всегда, то, значитъ, и страданія будутъ вѣчны.

Итакъ, не только Слово Божіе, но и соображеніе здраваго разума говоритъ намъ о вѣчныхъ мукахъ.

Такъ что мысли нѣкоторыхъ англійскихъ мыслителей о возможности прекращенія «вѣчныхъ страданій» не должны насъ смущать.

Свящ. Ал. Введенскій.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Сознаемся-ли мы въ этомъ или нѣтъ, но всѣ мы отчаянно цѣпляемся за вѣру, что есть другая жизнь, жизнь по ту сторону гроба. Атеисты говорятъ намъ, что мы умираемъ, какъ собаки; что наша душа уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ; что когда земля поглотитъ насъ, мы превратимся въ прахъ, изъ котораго состоимъ,—и тогда конецъ всему. Но въ глубинѣ сердца мы не вѣримъ атеистамъ. Мы даже не вѣримъ, что сами атеисты вѣрятъ въ то, чему они учатъ насъ.

Вѣра въ безсмертіе предполагаетъ собою воскресеніе какъ праведниковъ, такъ и грѣшниковъ, какъ нечестивыхъ, такъ и благочестивыхъ. Если мы не считаемъ смерти очистительнымъ процессомъ, дѣлающимъ всѣхъ насъ одинаково добрыми, или если мы не придерживаемся того мнѣнія, что по ту сторону гроба мы теряемъ вмѣстѣ съ тѣломъ и нашу индивидуальность и наши инстинкты, то мы должны вѣрить въ адъ.

Существованія ада нельзя отрицать. Если праведные вознаграждаются въ томъ мірѣ за свою праведность, то совершенно естественно, что и грѣшники должны быть наказаны за свою безбожность; ибо, если бы даже это наказаніе состояло лишь

въ исключеніи безбожныхъ изъ счастья праведныхъ, то и это былъ бы адъ.

Можетъ быть, адъ не мѣсто, но состояніе. Можетъ быть, и небо не мѣсто, но состояніе. Однако, если небо—награда праведнымъ, то должна быть и противоположность наградѣ—«не-награда» или даже наказаніе, а противоположностью неба долженъ быть адъ.

Дантовское изображеніе этого ада, какъ мѣста, наполненнаго пламенемъ и дымомъ, гдѣ грѣшники подвергаются физическимъ мукамъ, пугало въ свое время многихъ людей, и подъ его впечатлѣніемъ дѣти ложились спать, нѣмѣя отъ ужаса и страха. Но это было неточное изображеніе. Въ пламенной печи можно жечь руку, но нельзя жечь тамъ души. Духъ можетъ чувствовать только духовный пламень.

По мѣрѣ того, какъ человѣчество все больше просвѣщалось, оно, наконецъ, поняло, что изображать «адское пламя» при помощи такихъ картинъ, какъ картины Дорэ, значитъ,—давать просторъ необузданной фантазіи. Оно знаетъ, что самая точная фотографія, снятая съ горной плавильни, не достигаетъ своей цѣли, ибо не даетъ правильнаго понятія о силѣ огня. То-же можно сказать и объ адскихъ мукахъ. Посему мы не ошибемся если скажемъ: ни одинъ человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ адѣ. Это одна изъ тайнъ, извѣстныхъ лишь Господу Богу.

Человѣчество отвергло представленіе объ адѣ, какъ о дѣйствительной пропасти, полной огня и сѣры, подобно тому, какъ оно разсталось съ древнимъ представленіемъ, будто ударъ грома—голосъ Божій или будто землетрясеніе имѣетъ цѣлью проглотить безбожныхъ. Но, отвергая легковѣріе незнанія, оно обнаружило стремленіе стать невѣрующимъ по отношенію къ послѣдствіямъ грѣха и убѣдить себя, что такъ какъ, быть можетъ, нѣтъ «адскаго пламени», то нѣтъ и вообще какого бы то ни было ада въ вѣчной жизни.

Это безразсудство! Есть адъ! Ибо есть добро и зло. Его истинный характеръ остается для насъ тайной, но его существованіе несомнѣнно!

На послѣдующихъ страницахъ этой книги нѣкоторые хорошо извѣстные въ Англии авторитеты излагаютъ свои взгляды по этому вопросу, взгляды, часто расходящіеся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Но читатель найдетъ, что каждый изъ этихъ авторитетовъ отвѣчаетъ яснымъ «да» на животрепещущій вопросъ: «Существуетъ-ли адъ?»

Исторія ада.

Слѣдовало-бы постоянно имѣть въ виду, что вѣра въ адъ поκειται на той самой основѣ, какъ вѣра въ небо. Какъ та, такъ и другая вытекаетъ частью изъ инстинкта справедливости, требующаго сглаживанія неравенствъ земной жизни, частью изъ естественной религіи, а главнымъ образомъ изъ позитивной религіи и, въ нашемъ случаѣ, изъ христіанскаго откровенія.

Гдѣ только существуетъ вѣра въ небо, тамъ является также вѣра въ адъ, какъ противоположность неба. Такъ, Платонъ самый древній и блестящій изъ всѣхъ европейскихъ мыслителей, рисуетъ намъ картину будущаго суда надъ людьми, по приговору котораго праведные отправляются въ Элизіумъ, а неправедные въ Тартаръ. Эта доктрина вытекаетъ изъ нашей нравственной природы и принимаетъ формы, согласно интеллектуальной силѣ или силѣ воображенія даннаго поэта, философа или богослова.

Въ позитивныхъ религіяхъ инстинктъ становится догмой, и будущій судъ представляется въ такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ формахъ, что онѣ доступны критикѣ и возраженіямъ. Христіанская доктрина, особенно если она формулирована Западной Церковью и если выдвигается ея юридическая, а не поэтическая сторона, всегда вызывала критику и невѣріе. Но слѣдуетъ постоянно помнить, что не можетъ быть доказательствъ существованія неба, не свидѣтельствующихъ въ то же время за существованіе ада.

Въ Новомъ Завѣтѣ, на примѣръ, какъ знаетъ каждый читатель, доктрина будущаго поκειται на ясныхъ и опредѣленныхъ словахъ Христа и Его учениковъ. Будущій міръ выплываетъ изъ мрака неопредѣленности, благодаря силѣ и свѣту откровенія въ Иисусѣ Христѣ. Если Христосъ—Спаситель міра, то Онъ также Судья міра; если Онъ, изображая будущій судъ, говоритъ, что одни идутъ «въ живогъ вѣчный», то въ то же время Онъ заявляетъ, что другіе идутъ «въ муку вѣчную».

Инстинктъ, порождающій такое предположеніе относительно будущаго, можетъ быть изслѣдуемъ, какъ цѣлое, но не можетъ быть дѣлимъ.

Если-бы мы имѣли дѣло лишь съ руководящей догмой, то мы могли-бы критиковать и классифицировать ее; но мы въ сущности имѣемъ дѣло съ инстинктивнымъ сужденіемъ,

цѣльнымъ и недѣлимымъ. Поэтому, чтобы быть послѣдовательными, мы должны, отрицая адъ, отрицать также небо.

Исповѣдывать вѣру въ небо—и особенно призывать небо для насъ самихъ,—не боясь ада и не вѣря въ него, это самая слабая форма сентиментальности. Современное невѣріе въ адъ есть равнымъ образомъ и невѣріе въ небо. Огромная масса индифферентныхъ не ждетъ никакой будущей жизни; они разстались съ идеей будущей жизни и живутъ въ настоящемъ, стремясь къ тому, что достижимо и чѣмъ можно наслаждаться въ этой жизни.

Но кто признаетъ христіанское откровеніе и глубоко и серьезно задумывается надъ проблемами души, тотъ приходитъ къ болѣе яснымъ и опредѣленнымъ убѣжденіямъ относительно будущаго міра.

Поэтому я хотѣлъ-бы рассмотреть проблему ада съ точки зрѣнія инстинктивнаго богословія. Я вѣрю въ небо и адъ. И современная мысль не сомнѣвается въ существованіи ада и неба, но лишь разное понимаетъ ихъ природу. Идеи проясняются, и нравственные понятія дѣлаются болѣе опредѣленными и устойчивыми съ теченіемъ времени, и грубыя изображенія будущаго міра, удовлетворявшія примитивныхъ людей, кажутся намъ дѣтскими и нелѣпыми.

Намъ приходится пересмотрѣть, если можно такъ выразиться, географію духовнаго міра. Мы не говоримъ, что небо наверху и адъ внизу, потому что такія выраженія потеряли всякое значеніе для насъ, обладающихъ болѣе полными знаніями относительно солнечной системы. Что-же мы говоримъ?—Мы говоримъ, опираясь на христіанское откровеніе, что небо есть состояніе неизмѣннаго примиренія съ Богомъ, и что адъ есть состояніе неизмѣнной враждебности къ Богу.

Мы увѣрены, исходя изъ опыта настоящаго, что душа, освободившись отъ тѣла и отправляясь въ послѣдній путь, остается такой-же, какой была. Жизнь будущаго міра не что иное, какъ жизнь этого міра, но только безъ тѣла и матеріальной обстановки, частью которой является тѣло. Входя въ загробный безтѣлесный міръ, мы будемъ, чѣмъ были—примиренные съ Богомъ или враждебно къ Нему относящіеся. Обстановка и среда того міра, какъ и этого, опредѣляется нашимъ личнымъ духовнымъ состояніемъ. Мы найдемъ себя на лонѣ Авраама или будемъ въ мукахъ поднимать свои взоры вверхъ, согласно принципамъ, примиряющимъ насъ здѣсь съ Богомъ.

или побуждающимъ насъ поступать наперекоръ Божественной волѣ.

Толкуя такимъ образомъ болѣе старинный языкъ, согласно психологіи и этикѣ нашего времени, мы видимъ, въ какомъ заблужденіи находятся тѣ, кто сказалъ-бы: «Я вѣрю въ небо, но я не вѣрю въ адъ». Мы видимъ, что намъ слѣдовало-бы скорѣе сказать, что мы не вѣримъ ни въ небо, ни въ адъ, или-же что мы вѣримъ и въ то и въ другое съ тѣмъ болѣе глубокимъ и болѣе разумнымъ пониманіемъ значенія терминовъ, которое является результатомъ нашего духовнаго и нравственнаго прогресса.

Д-ръ Р. Ф. Гортонъ, магистръ свободныхъ искусствъ.

Въ защиту библейскаго ада.

Одинъ Ньюйоркскій проповѣдникъ сказалъ: «Конецъ навсегда преисподней Данте и страшному суду Микель-Анджело»!

И все-таки, меньше чѣмъ на разстояніи одной мили отъ канедры, съ которой были произнесены эти слова, преисподнія, столь же ужасныя, какъ Дантовскія, были въ полномъ цвѣтѣ, и Божій Судъ, болѣе страшный, чѣмъ Микель-Анджеловскій, постигалъ грѣхъ и грѣшниковъ.

Это не кошмаръ средневѣковаго мрака. Это не галлюцинація больного мозга. Это фактъ, очевидный для всякаго, кто только смотритъ на вещи съ открытыми глазами. Адскія мученія мы находимъ вездѣ: въ притонахъ разврата, въ трактирахъ, въ тюрьмахъ, въ домахъ для умалишенныхъ и въ игорныхъ домахъ и въ жизни мужчинъ и женщинъ, горящихъ въ неклѣ собственной похоти.

Это, можетъ быть, оскорбляетъ наши эстетическіе вкусы, но наше отвращеніе къ положенію вещей не мѣняетъ дѣла. «Я ненавижу самую мысль ада», воскликнула одна образованная леди.—Я также. И я ненавижу самую мысль объ убійствахъ, прелюбодѣянιάхъ, воровствѣ и обманѣ; но моя ненависть не уничтожаетъ фактовъ. Я ненавижу змѣй, но, вопреки моему гнѣву, онѣ продолжаютъ ползать, шипѣть и жалить.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «И идутъ сіи въ муку вѣчную». Ихъ не насилуютъ. Нѣтъ нужды въ высшемъ судѣ, чтобы арестовать ихъ и силой низвергнуть въ адъ.

Когда грѣшники при молніеобразномъ свѣтѣ Страшнаго Суда увидятъ самихъ себя и свои «грѣхи и темныя дѣянія» въ ихъ истинномъ видѣ, ихъ постигнетъ вѣчное наказаніе, какъ спра-

ведливое возмездіе. Ихъ чувство справедливости одобритъ его. Они считали бы несоотвѣтствующимъ сущности Бога, если бы Онъ открылъ передъ ними врата Неба, подобно тому, какъ и нераскаявшемуся преступнику показалось бы страннымъ и даже нелѣпымъ, если бы англійскій король, вмѣсто того, чтобы заключить его въ тюрьму, взялъ бы его въ свой дворецъ и посадилъ рядомъ со своей женой и дѣтьми.

И прискорбно сказать, не мало безбожныхъ изберутъ скорѣе адъ, чѣмъ небо, если не измѣнятся. Я знаю людей, предпочитающихъ адъ небу. Небо на землѣ открыто имъ ежедневно но они превращаютъ его въ адъ, предаваясь грѣшной и порочной жизни. Теперь спросимъ: правда ли, что безбожныхъ ожидаетъ адъ? Можно ли защищать адъ Библии по этическимъ соображеніямъ? Я полагаю, что можно, а именно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Справедливость требуетъ, чтобы дурные люди были отдѣлены отъ хорошихъ.

Какъ извѣстно, три греческихъ слова переводятся въ Новомъ Завѣтѣ терминомъ «адъ». Одно изъ нихъ—«Ad», означающее просто міръ умершихъ, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ. Другое слово—«Tartarus», обозначавшее въ древней мѣологии подземный міръ мрака. Пользуясь этимъ словомъ, Святой Духъ хочетъ дать намъ понять, что язычники, хотя и заблуждаются во многомъ, но справедливо вѣрятъ, что дурные люди войдутъ послѣ смерти въ міръ мрака. А это лишь печать Божественнаго одобренія всеобщаго сознанія человѣчества. Всѣ люди, какъ дикіе, такъ и цивилизованные, вѣрятъ, что зло, какъ они его ни понимаютъ, должно быть наказано.

Третье слово, переводимое терминомъ «адъ»,—«Geenna». Такъ называлась долина Сыновъ Еннома близъ Іерусалима, гдѣ сваливались и сжигались нечистоты города. Во всякое время дня и ночи можно было видѣть въ этой долинѣ пылающіе огни. Іисусъ Христосъ слѣлалъ ее символомъ ада, «гдѣ муки не умираютъ и огонь не угасаетъ».

Удобно ли для города, что возлѣ него находится долина Еннома, гдѣ сваливаются отбросы? Или городъ долженъ оставлять свои отбросы и нечистоты на улицахъ и въ погребкахъ домовъ, гдѣ бы они гнили, заражая воздухъ и распространяя заразы?

Среди цивилизованныхъ людей не можетъ быть двухъ мнѣній. А если такъ, то, значить, каждое разлагающееся тѣло

аргументъ въ пользу ада. Кто отвергаетъ жизнь въ Богѣ, тотъ самъ будетъ отверженъ раньше или позже.

Кладбище необходимо. Тѣла умершихъ не должны быть оставляемы въ жилищахъ живыхъ. Въ одной знакомой мнѣ семьѣ умерло дитя. Бѣдная мать, убитая горемъ, не соглашалась предать тѣло землѣ. Она стояла возлѣ него и никому не позволяла трогать его. Прошла недѣля. Супругъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ силой отвести свою подругу жизни въ другую комнату, а въ это время друзья дома отнесли маленькое тѣльце на кладбище. Оставить мертвыхъ среди живыхъ было бы безсердечно по отношенію къ живымъ и бесполезно для мертвыхъ. Такимъ образомъ, каждое кладбище есть аргументъ въ пользу ада. Духовно умершая душа подобна мертвому тѣлу. Какъ послѣднее находится въ состояніи физическаго разложенія и таитъ въ себѣ заразу, такъ первая находится въ состояніи нравственнаго разложенія и скрываетъ въ себѣ смертоносную язву грѣха. Если она отказывается принять жизнь, то должна по необходимости быть изолирована вмѣстѣ съ другими духовно умершими душами.

2) Справедливость требуетъ, чтобы грѣхъ былъ наказанъ. Съ этимъ согласны всѣ.

Грѣхъ самъ себя наказываетъ, но и правительство въ то же время имѣетъ право наказывать его, если грѣхъ принимаетъ преступную форму. Человѣкъ убиваетъ другого, и ужасный угрызения совѣсти—естественный результатъ его преступления. Но укоры совѣсти не удовлетворяютъ требованій справедливости. Грѣхъ—преступленіе не только по отношенію къ душѣ, но и по отношенію къ обществу. Поэтому онъ карается и Богомъ и людьми. Гнѣвъ Божественнаго Агнца болѣе страшенъ, чѣмъ гнѣвъ льва. Въ Богѣ есть нѣчто, чего долженъ бояться грѣшникъ. Онъ не слабовольное существо, позволяющее преступникамъ подъ вліяніемъ нѣжной сентиментальности вносить разстройство въ Его справедливое и мудрое правленіе.

Богъ вмѣшивается для того, чтобы защитить интересы Своихъ вѣрныхъ и послушныхъ сыновъ. Грѣхъ, предоставленный самому себѣ, есть уже адъ. «Безбожіе», говоритъ пророкъ Исаія, «жжетъ, какъ огонь».

Отбросьте, если вамъ угодно, всякую мысль о матеріальномъ огнѣ; но облегченія страданій не будетъ. Я глубоко вѣрю, что въ этомъ мірѣ есть люди, страдающіе отъ сознанія совершеннаго ими зла въ огнѣ воспоминаній, разума и воображенія такъ сильно, что имъ доставило бы временно облегченіе по-

ложить руку въ огненное пекло и сжечь ее. Огонь, пожирающій душу, сильнѣе огня, пожирающаго тѣло.

Если душа, обладая неограниченной способностью къ добру или злу, выбираетъ зло, то она развивается въ отрицательномъ направленіи черезъ всю вѣчность. Ужасная мысль! И тѣмъ не менѣе фактъ совершается передъ нашими глазами.

3) Справедливость требуетъ степеней наказанія.

Этотъ принципъ признается каждымъ судебнымъ учрежденіемъ въ каждой цивилизованной странѣ.

«Рабъ, который зналъ волю господина своего, и не былъ готовъ, и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много; а который не зналъ и сдѣлалъ достойное наказанія, битъ будетъ меньше. И отъ всякаго, кому много дано, много и потребуется; и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ» (Ев. Луки XII гл., 47—48 ст.).

Наказаніе несомнѣнно слѣдуетъ за грѣхомъ, причемъ степень наказанія соотвѣтствуетъ грѣху. Разумъ принуждаетъ насъ предположить, что, если человѣкъ не кается въ этомъ мірѣ, гдѣ онъ окруженъ добромъ и зломъ, то онъ не будетъ каяться и въ будущемъ мірѣ, гдѣ окруженъ только зломъ. Ни одинъ отецъ не попытается исправить непокорнаго мальчика, отпавляя его въ пользующуюся дурной славой часть города, гдѣ онъ имѣлъ бы общеніе лишь съ дегенератами. Разумный человѣкъ не попытается вымыть себя, валяясь въ грязи. Богъ дѣлаетъ для каждаго въ этомъ мірѣ все, что безконечная любовь, мудрость и могущество можетъ сдѣлать для свободнаго, нравственнаго существа. Если человѣкъ предпочитаетъ грѣхъ праведности, то безконечная любовь, мудрость и могущество не могутъ избавить его отъ ада. Если онъ избираетъ смерть вмѣсто жизни, онъ долженъ подвергнуться процессу нравственнаго разложенія и нести послѣдствія закона, въ силу котораго мертвые и живые должны въ конечномъ итогѣ вещей быть разобщены.

А. Диксонъ,

бакалавръ свободныхъ искусствъ.

Адъ—философская необходимость.

Не такъ давно я говорилъ проповѣдь на тему: «Существуетъ ли Діаволъ?» Церковь была биткомъ набита. Я полагаю, что это обстоятельство указываетъ на то, что вопросы вѣчности вызываютъ гораздо большій интересъ, чѣмъ принято думать.

Доказательствомъ этого служить еще жизнеописаніе Чарльса Кингслея. Чарльсъ Кингслея былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ и жизнерадостныхъ представителей, когда-либо жившихъ христіанъ, но онъ постоянно задумывался надъ вопросами смерти и вѣчности. Незадолго передъ своей кончиной онъ сказалъ: «Я ждалъ этого часа всю свою жизнь, ждалъ съ жгучимъ и благоговѣйнымъ любопытствомъ». Мнѣ кажется, что эти слова характерны также для духа широкихъ массъ, особенно интеллигентныхъ классовъ. Они никогда не сознаются въ этомъ и смѣются, если спросить ихъ мнѣніе; но, я увѣренъ, въ глубинѣ души они живо и серьезно интересуются вопросами вѣчности; и даже осмѣливаясь утверждать, что это обстоятельство служить не маловажнымъ аргументомъ въ пользу существованія ада.

Проблема ада затрагиваетъ инстинкты духа и сердца. Кто-то (я забылъ, кто именно) замѣтилъ: «Адъ—философская необходимость». Я убѣжденъ, что въ этомъ положеніи заключается глубокая истина. Если бы у насъ не было ни Библии, ни церквей, ни проповѣдей, адъ все-таки оставался бы философской необходимостью. Мнѣ кажется, что если человѣкъ мыслить и допускаетъ существованіе и воздѣйствіе на насъ Бога чрезъ нашу совѣсть, то помимо сверхъестественнаго откровенія онъ придетъ къ заключенію, что должно существовать наказаніе, какое-бы оно ни было, для всѣхъ тѣхъ, кто отвергаетъ любовь Бога. Вотъ почему я вѣрю, что адъ—философская необходимость.

Далѣе, я вѣрю въ адъ, потому что онъ составляетъ предметъ Божественнаго Откровенія. Мнѣ кажется, что никто, искренно читающій Библию, не можетъ усумниться въ истинѣ, что адъ существуетъ. Этотъ ужасный фактъ открытъ яснѣе всего на страницахъ Святого Писанія. Я полагаю, что въ этомъ вопросѣ Божественное Откровеніе поддерживаетъ философію, и философія, съ своей стороны, подтверждаетъ Божественное Откровеніе. Такимъ образомъ, я вѣрю въ адъ, какъ на основаніи философскихъ размышленій, такъ и на основаніи Святого Писанія.

Мы должны имѣть въ виду, что значительная часть возраженій противъ такой вѣры вызвана искаженными изображеніями ада. Если бы люди обращали больше вниманіе на библейское ученіе, чѣмъ на картинныя изображенія Данте и нѣкоторыхъ увлекающихся проповѣдниковъ, фантазія которыхъ выходила далеко за предѣлы Божественнаго Откровенія, то

они гораздо скорѣе согласились бы съ фактомъ существованія ада; многіе, говоря объ адѣ и описывая его, мнятъ себя весьма умными и приводятъ такія подробности, что можно подумать, будто бы они тамъ были. А между тѣмъ въ Библии нѣтъ никакихъ ужасныхъ и вселяющихъ страхъ изображеній ада.

Библия весьма сдержанно говоритъ относительно ада. Она, кажется, довольствуется откровеніемъ ужаснаго факта его существованія и не изображаетъ подробностей этого мѣста осужденія.

Мѣсто ли адъ или состояніе, мы этого не можемъ сказать съ увѣренностью. Воскресеніе тѣла, мнѣ кажется, говорить въ пользу того, что адъ есть мѣсто. Но утвержденія, что тамъ горитъ дѣйствительный огонь, выходятъ за предѣлы библейскаго ученія. Весьма замѣчателенъ также тотъ фактъ, что Библия изображаетъ адъ метафорически, и никто не имѣетъ права понимать метафору въ буквальномъ смыслѣ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что за этими метафорами скрывается дѣйствительность. Опасность заключается въ томъ, что люди склонны думать, что разъ это метафоры, то онѣ не представляютъ дѣйствительности. Дѣйствительность можетъ оказаться болѣе страшной, чѣмъ мы предполагаемъ, основываясь на метафорахъ.

Мы должны также помнить, что Библия учитъ, что только тѣ будутъ низвергнуты въ адъ, кто сознательно и окончательно отвергаетъ Христа. Мое личное мнѣніе то, что число такихъ людей будетъ очень незначительно. Болѣе чѣмъ трудно судить о внутреннемъ состояніи людей на основаніи вѣншихъ проявленій, и гораздо больше христіанъ по духу, чѣмъ Церковь полагаетъ.

Кромѣ того, я вѣрю, что цѣлыя массы людей въ послѣдній моментъ жизни поручаютъ свою душу Спасителю, непризнанному ими раньше. Я вѣрю, что милосердый Спаситель приметъ и ихъ съ распростертыми объятіями. Занимающимся изслѣдованіемъ вопроса объ адѣ слѣдовало бы имѣть въ виду это обстоятельство.

Самъ Господь проповѣдывалъ объ адѣ и говорилъ о немъ съ большой сдержанностью, но въ то-же время съ торжественной выразительностью. Кто поэтому признаетъ Его ученіе, тотъ имѣетъ въ этомъ неопровержимый аргументъ въ пользу существованія ада. Затѣмъ мы не должны забывать, что, возвѣщая Евангеліе, мы принимаемъ на себя великую отвѣтственность. Необходимо постоянно повторять тотъ фактъ, что каж-

дый можетъ избѣгнуть ада. Евангеліе призываетъ всѣхъ безъ исключенія и этотъ призывъ понятенъ самымъ простымъ и неразвитымъ людямъ. Условія спасенія таковы, что даже дитя можетъ понимать ихъ, и ни одна человѣческая душа, желающая принять Христа, никогда не узнаетъ тайны ада.

Далѣе слѣдуетъ принять въ соображеніе великое Искушеніе. Кто, какъ я, вѣритъ въ жертву нашего Господа Иисуса Христа за грѣхи цѣлаго міра, тотъ чувствуетъ, что долженъ признать доктрину ада. Ибо какой другой судьбы можетъ ждать тотъ, кто, слыша возвѣщеніе Евангелія, тѣмъ не менѣе сознательно и умышленно отвергаетъ Его?

Въ то-же время я того мнѣнія, что первая обязанность христіанскаго пастыря проповѣдывать не адъ, а спасеніе и выяснить, что каждый можетъ извѣдать блаженство Неба скорѣе, чѣмъ страданіе ада.

Наконецъ, я полагаю, что тѣ принимаютъ на себя громадную отвѣтственность, кто скрываетъ фактъ существованія ада. Въ обязанность христіанскаго пастыря входитъ предостерегать людей, и если онъ этого не дѣлаетъ, то онъ не можетъ избѣжать тяжелой отвѣтственности за будущую судьбу тѣхъ, кто слушаетъ его.

Г. Юнгъ.

Достоверность ада.

Адъ—это мѣсто неминуемаго наказанія, на которое обречены будутъ послѣ смерти всѣ безбожные и грѣшные люди.

Очень часто въ Св. Писаніи адъ сравнивается съ Енносской долиной. Это было крутое ущелье непосредственно подъ юго-западной стѣной Иерусалима, орошаемое Кедронскимъ потокомъ. Въ раннюю эпоху царей богатые классы іудейскаго общества имѣли на этомъ мѣстѣ свои виллы и лѣтнія резиденціи. На краю юго-восточной стороны находились царскіи лѣтніи садъ съ «музыкальной рощей», гдѣ мужчины и женщины играли на музыкальныхъ инструментахъ самыхъ разнообразныхъ конструкций. Когда нація стала болѣе жадной до роскоши и менѣе религіозной, тогда на этомъ мѣстѣ начали появляться идолы, которымъ воздвигались алтари и воскурялись оиміамы. Въ прекрасной долинѣ зажигали ужасные огни въ честь Молоха, и дѣти сжигались живыми. Когда вступилъ на престолъ Осія и началъ свою реформагорскую дѣятельность, то вся сила его страстной натуры была направлена противъ оскверняющаго святотатства. Роши были сожжены, увеселительные сады опусто-

шены и идолы превращены въ пыль. Долина сдѣлалась нечистой навсегда, и кости мертвыхъ были разсыяны по ея поверхности. Съ того времени она стала мѣстомъ свалки для города, куда доставлялись всѣ отбросы и гдѣ гнили тѣла животныхъ и преступниковъ. Такъ какъ тамъ не было рѣки, которая уносила бы нечистоты города, то прибѣгали къ кострамъ, пылавшимъ днемъ и ночью и уничтожавшимъ громадное количество отбросовъ, которые иначе являлись бы неизсякаемымъ очагомъ заразы. Огонь и черви питались нечистотами горнаго города.

Геенна, слѣдовательно, въ обыденной рѣчи обозначала свалочное мѣсто Иерусалима и для еврейскихъ пророковъ сдѣлалась синонимомъ тяжелой кары для безбожныхъ. Когда Иисусъ Христосъ говорилъ, что произнесшій злыя и скверныя слова подвергается опасности быть проглоченнымъ огнями Геенны; когда Онъ говорилъ, что для человѣка было бы лучше лишиться какого-нибудь члена, чѣмъ быть брошеннымъ въ Геенну; когда Онъ угрожалъ книжникамъ и фарисеямъ судомъ Геенны,—Онъ предсказывалъ опасность очутиться среди отбросовъ вселенной и быть подверженнымъ такимъ же сильнымъ страданіямъ, что только острые языки огня могли передать ихъ.

Поэтому невозможно признать ученіе Иисуса Христа несомнѣннымъ и окончательнымъ словомъ Божиимъ, не вѣря, что существуетъ адъ, подобно тому, какъ существуетъ Небо. Для кого Его слово окончательно, тотъ долженъ вѣрить въ адъ. Вспомните, что Онъ сказалъ: «И идутъ сіи въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный».

У евреевъ съ этимъ словомъ соединялась мысль о возмездіи. Кромѣ права приговорить преступника къ смертной казни, синедрионъ могъ также распорядиться, чтобы тѣло его было брошено въ Долину Еннома въ знакъ особаго позора и презрѣнія. Мы считаемъ горькой обидой, если кому-либо отказываютъ въ христіанскомъ обрядѣ погребенія; но для еврея было крайней мѣрою возмездія, если отказывались хоронить его въ семейной гробницѣ. Поэтому, когда нашъ Господь говорилъ, что безбожные должны отправиться въ вѣчный огонь, то Онъ этимъ хотѣлъ сказать, что неизбежное возмездіе ожидаетъ тѣхъ, кто не исправляется и продолжаетъ коснѣть въ грѣхахъ.

Кто, ссылаясь на Его слова, признаетъ идею матеріальнаго пламени, тотъ неправильно толкуетъ ихъ. Огонь не можетъ жечь то физическое тѣло или ту оболочку, въ которую душа воплотится, уходя изъ конечнаго міра въ безконечный, изъ

преходящаго въ вѣчный. Плоть и кровь не могутъ войти въ царство будущаго. Огонь не можетъ питаться космической оболочкой міра духовъ. Но подобно тому, какъ огонь причиняетъ страданія нашему тѣлу, такъ раскаяніе и угрызенія совѣсти будутъ мучить и пытатъ душу; непрерывной вереницей будутъ проходить передъ нею всѣ погибшія жизни, неисправившіяся и нераскаявшіяся во время своего земного пребыванія.

Въ этомъ мірѣ рано или поздно грѣхъ влечетъ за собою страданіе. Человѣкъ, сѣющій для тѣла, пожинаетъ отъ тѣла горе и страданія—клеимо Каина; и когда мы покидаемъ этотъ міръ, у насъ нѣтъ основанія предполагать, что тамъ господствуетъ другой законъ. Но тутъ можно возразить, что сказанное относится къ закоренѣлымъ злодѣямъ, но отнюдь не къ людямъ, не совершившимъ ничего особенно дурного. Вотъ человѣкъ, жившій въ свое удовольствіе, старавшійся скопить побольше денегъ и возвыситься на социальной лѣстницѣ—развѣ его ждетъ возмездіе?—Но представьте себѣ человѣка, ищущаго въ жизни лишь наслажденія и сытости, одареннаго богатствомъ безсмертія, но презирающаго его. Пусть онъ войдетъ въ вѣчный міръ. Развѣ онъ тотчасъ же не будетъ испытывать самыя острыя муки, когда чистый свѣтъ вѣчности и любви озаритъ его искалѣченную, униженную, опозоренную, себялюбивую природу? Развѣ онъ найдетъ подходящую атмосферу въ средѣ совершенной любви или подходящихъ товарищей въ святыхъ духахъ, ставшихъ совершенными? Какъ больной глазъ испытываетъ мученія, смотря на солнечный дискъ, такъ и грѣшная душа будетъ страдать такъ, что будетъ умолять холмы упасть на нее и скалы покрыть ее.

Нельзя вѣрить, что тѣ, кто приучилъ себя находить удовольствіе своимъ самымъ возвышеннымъ стремленіямъ и желаніямъ въ земныхъ вещахъ, могутъ приспособиться къ новому положенію въ иномъ мірѣ. Наше тѣло, сказалъ древній философъ, вернется къ землѣ, наша кровь къ водѣ, наше дыханіе—къ воздуху; но духъ, мысль, душа—что станетъ съ ними? Гдѣ они найдутъ родную стихію, обитель? Если мы слѣдали ихъ простыми плѣнниками и голодными рабами нашихъ чувствъ, то развѣ тотъ міръ не покажется имъ страннымъ, чуждымъ, полнымъ мукъ? Вотъ неизбежное возмездіе, которое должно слѣдовать за жизнью, посвященной удовлетворенію эгоистическихъ желаній и стремленій, какъ и за жизнью, полной позорныхъ и отвратительныхъ грѣховъ.

Вернемся къ судьбѣ обыкновеннаго грѣшнаго. Когда таковой освобождается отъ тѣла, орудія грѣха, то прежнія влеченія и страсти обуреваютъ его; но у него нѣтъ средствъ дать имъ малѣйшее удовлетвореніе, какъ сознался богачъ въ притчѣ: «Нѣтъ и капли воды, чтобы утолить мучительную жажду». Всѣ условія его жизни не привычны, не желанны, отталкивающи. Въ его прошломъ нѣтъ ничего, что приспособило бы его къ нимъ. Развѣ онъ не будетъ пожираться чувствомъ недостатка и несчастья, ужаснымъ чувствомъ дисгармоніи? Все это, помимо даже Священнаго Писанія, говоритъ съ абсолютною необходимостью за вѣру въ адъ.

Поэтому такая вѣра характеризуетъ религію человѣчества. Что касается другого вопроса, мерцающаго сквозь туманъ, а именно, предмета, результата и продолжительности такихъ страданій, то намъ этого вопроса не задавали здѣсь. Достаточно сказать, что мы должны вѣрить въ неизбежныя страданія, обозначенныя словомъ Адъ.

Ф. Б. Мейеръ.